

А. Ю. Бендин

**Рецензия на: Журналы Комитета Западных губерний /
Изд. подг. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов,
Д. Н. Шилов. Т. 1: 1831–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин,
2017. 848 с.: ил.; Т. 2: 1836–1840 гг. СПб.: Дмитрий
Буланин, 2021. 800 с., ил.**

Для российской исторической науки западные губернии России во многом еще остаются темой, изучение которой потребует многолетних усилий большого числа исследователей, которым предстоит обширная работа по выявлению новых массивов источников, усвоению новых исследовательских подходов и разработке новых концепций. Представление о том, что Западный край Российской империи был одним из самых проблемных для политики имперского центра, имеет давнюю историю. В России историографические школы и традиции изучения данного региона начали формироваться еще в XIX столетии, получив свое развитие после польского мятежа 1863–1864 гг.

В этой связи можно назвать западно-русскую и южно-русскую школы российской историографии. Однако после 1917 г. деятельность этих научных школ была прекращена. Разорванная связь историографических традиций так и не была восстановлена и, несмотря на появившиеся в последние десятилетия исторические исследования в этой области, актуальность названной темы с каждым годом лишь возрастает. Для этого существуют причины как научные, так и политические.

Начнем с причин политических. Прежде всего укажем, что западные окраины России представляли собой обширный географический регион, в состав

которого входили девять губерний: Ковенская (с 1842 г.), Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская и Киевская. Сегодня эти российские территории входят в состав Польши, Беларуси, Литвы, Латвии и Украины. В связи с изменениями политических границ исторической России и образованием независимых государств названные территории стали объектом исторической политики новых этнических элит, чьи политические и экономические интересы, за небольшим исключением (Белоруссия), связаны с ЕС, США и НАТО. Результаты такой политики не заставили себя долго ждать.

Следует отметить, что до падения Российской империи в 1917 г. основные этнические группы, населявшие Западный край России, либо никогда не имели своей государственности, либо, как поляки, утратили ее в конце XVIII в. Возникшая советская, а затем и постсоветская государственность вызвала настоятельную потребность в исторической и правовой легитимации новообразованных политических наций и управляющих ими элит. Этнические группы, впервые получившие государственность в форме советской власти, с появлением капиталистической экономики, демократических институтов власти и либерально-националистических идеологий, заменивших идеологию коммунистическую, стали объектом конструирования новых национальных идентичностей.

Правящие элиты постсоветских государств начали процесс конструирования новых национальных идентичностей своих граждан, используя различные инструменты — идеологемы, политические и исторические мифы. Создание исторических мифологий как инструмента манипуляции общественным сознанием и формирования новых национальных идентичностей осуществляется с целью утверждения господства новых постсоветских элит. Новые исторические мифы, именуемые «национальными историями», выстраиваются, как правило, на критике и отторжении совместного российского и советского прошлого для доказательства своего высокого «европейского» происхождения и обоснования долгожданного права на вхождение в передовую западную цивилизацию.

В связи с этим историческая территория Российского государства стала объектом изучения разных историографий, выполняющих общий политический заказ на создание собственных «национальных историй». Возникло несколько дополняющих друг друга национальных интерпретаций истории Западного края России, определяемых господствующими в новых государствах идеологиями и направлениями исторической политики. Господствующей идеологией правящих элит и режимов в таких странах является, как правило, этнический национализм, либеральный по форме и авторитарный по существу. Новые буржуазные идеологии представляют собой симбиоз заимствованных извне либеральных «европейских ценностей» и авторитарных этнических национализмов.

В целом же в государствах, возникших на постсоветском пространстве Западного края России, представлены практически все спектры доминирующего национализма: бюрократический и популистский в Белоруссии, либерально-авторитарный в Литве, Латвии и Польше, радикальный и экстремистский на Украине. Органической частью постсоветских национализмов является русофобия, принимающая различные формы — от латентной и умеренной до откровенно агрессивной и экстремистской.

Например, для литовского, польского и латышского национализмов одним из конструирующих элементов идеологии и создаваемой на ее основе национальной идентичности является антисоветизм и русофобия, характерные как для элит, так и для массового сознания. Русофобия в таких странах основывается на мифах об «угнетении» этих «наций» исторической Россией и «оккупации» их в советский период. Неразрывно связанная с антисоветизмом русофобия в названных странах носит не столько этнический, сколько политический характер, когда объектом неприятия, отчуждения и враждебности становятся в первую очередь историческая Россия, СССР и Российская Федерация, а объектом политики ассимиляции служит русское меньшинство.

Иначе обстоит дело с национализмами белорусским и украинским, для которых этническая русофобия является конституирующим основанием. В отличие от иноэтничных национализмов — польского, литовского и латышского, созданных на собственной этнической основе, белорусский и украинский национализмы такой этнической основы не имеют, так как белорусы, малороссы и великорусы исторически принадлежат к одному большому русскому народу. Однако западнорусская этничность как составная часть этничности общерусской не может служить основой для белорусского и украинского национализмов. Поэтому националистические идеологемы основываются в первую очередь на принципах изначального разделения большого русского народа на отдельные «этносы», что исключает существование общей древнерусской народности. Следовательно, белорусы и малороссы (украинцы) исторически не являются этническими русскими, а представляют собой самостоятельные «этносы» со своей древней историей, культурой и государственностью.

Единственными носителями русской этничности объявляются великорусы, а собственная этничность утверждается либо как не русская, либо как анти-русская, сформировавшаяся в конфликтах с великорусами. (Правда, на историческое русское первородство претендует украинский национализм, наделяя великорусов, как и их польские предшественники в XIX в., чертами этнических угро-финнов, татар, монголов и т. д. Впрочем, это отдельная тема для исследования.) В целом же историческая западнорусская этничность белорусов и малороссов, неспособная служить этнической основой для современных национализмов, отвергается как идеологически и политически неприемлемая для постсоветского нациестроительства.

Для преодоления западнорусского и общерусского исторического и этнокультурного наследия политиками, пропагандистами и учеными-гуманитариями по заданным идеологическим лекалам осуществляется белорусизация и украинизация истории, этничности, культуры и общественного сознания. Сконструированная в результате исторической и культурной политики новая идеологизированная этничность, принципиально отличная от исторически существовавшей западнорусской, становится субъектом «национальных историй», националистических идеологий и современного нациестроительства.

Если в иноэтничных национализмах русофобия играет в основном вспомогательную роль, формируя необходимый образ российского и советского врага, то в белорусских и украинских национализмах русофобия существенно онтологична, она носит устойчивый и функционально необходимый характер. Названные национализмы, в каком бы виде они ни выступали, без русофобской составляющей не функциональны. Являясь конституирующим основанием националистических идеологий, навязываемых посредством СМИ, учреждений образования, науки и культуры, русофобия выступает в роли инструмента, выполняющего одну из функций самоидентификации и консолидации новых постсоветских обществ.

Русофобия определяет образ постоянного врага, как внутреннего, так и внешнего, воздействуя, в свою очередь, на внутреннюю и внешнюю политику, ориентированную на коллективный Запад. Функциональная востребованность русофобии правящими элитами позволяет создавать механизмы национальной самоидентификации, консолидации идейно разобщенного населения и манипуляции общественным сознанием с помощью искусственно создаваемой оппозиции «свой — чужой».

Таким образом, постулируемые идеологические принципы разделения, отчуждения и враждебности белорусов и малороссов (украинцев) к великорусам, исторической России и Российской Федерации конституируют русофобию как органическую основу названных национализмов и практики современного нациестроительства. Правда, в Белоруссии в связи с политическими событиями 2020–2022 гг. трансляция национализма, как умеренно официального, так и радикально оппозиционного, существенным образом сократилась. На официальном уровне отношение к великорусам и Российской Федерации в этой стране может быть представлено в форме отношений «свой — другой», в то время как на Украине русофобия и антисоветизм стали агрессивной государственной политикой и отношение к Российской Федерации и великорусам определяются жесткой оппозицией «свой — чужой-враг».

Следует отметить, что в странах с правящими националистическими режимами историческая наука, будучи объектом исторической политики, не является автономной сферой академических штудий, так как испытывает на себе идейное и политическое давление русофобского национализма. В свою очередь историки академических институтов и университетов этих стран используют

результаты научных исследований для создания «национальных историй», выстраивая прошлое в соответствии с политическими заказами и идеологическими конструктами доминирующих национализмов.

Историческая наука и связанное с ней преподавание истории в школе выполняют в таких государствах роль «служанки нации», обслуживающей в действительности интересы правящих элит. В созданных «национальных историях», охарактеризованных Э. Хобсбаумом как «ретроспективная мифология», этнические группы, определяемые как «самостоятельные этносы», наделены воображаемой субъектностью, частью истории которых становится единственный реально существовавший субъект исторического процесса — Российское государство.

Обусловленная идеологией национализма логика и прагматика «ретроспективной мифологии» включила историю Западного края России в свое пространство в качестве объекта и подчинила своим политическим и идеологическим целям, используя для этого наследие советской национальной историографии. Принципиально отвергая коммунистическую идеологию и основанные на ней методологические подходы к изучению истории, «национальные историографии» в своей приверженности к нациецентризму исходят из известного ленинского тезиса об императорской России как «тюрьме народов». Основанная на принципах советского этнического национализма воображаемая субъектность «национальных историй» предопределила и различные исследовательские ракурсы, в соответствии с которыми интерпретируется история Западного края России, государственная политика, деятельность государственных, общественных и религиозных институтов.

Сделав субъектное Российское государство объектом псевдосубъектных «национальных историй», национальные историографии совершили своего рода «антикоперниканский переворот». В созданной ими системе идеологических координат история Российского государства вращается вокруг истории «самостоятельных этносов», проживавших на его западных окраинах и не имевших собственной государственности.

Выстроив перевернутую иерархию исторических отношений центра и периферии, субъекта и объектов, «национальные истории» отводят Российскому государству ту роль, которую предусматривают идеологические конструкты доминирующих видов этнического национализма¹. Как правило, это неблагоприятная, а зачастую и откровенно враждебная роль колониального эксплуататора, национального угнетателя и русификатора, врага освободительных движений как реально существовавших (например, польского), так и относящихся к категории политических симулякров — белорусского, украинского, литовского и латышского.

В этой связи нельзя не учесть и обвинения «деспотического» Российского государства в разделе Речи Посполитой 1772–1795 гг. Суть обвинений сводится к тому, что присоединение к «азиатской России» белорусских земель закры-

ло для «европейского белорусского народа» уготованное ему в Речи Посполитой светлое европейское будущее. Так возникает и функционирует героический национальный миф о том, как белорусский и польский народы вместе боролись против «варварской России» за свое национальное освобождение и возвращение в лоно высшей европейской цивилизации.

В сложившихся политических и идеологических условиях о восстановлении коперниканской наукоцентричности в подходах к изучению истории Западного края России говорить, увы, не приходится. В данном случае речь может идти лишь об анализе факторов, оказывающих непосредственное воздействие на процессы создания и содержание «национальных историй», что позволяет, в свою очередь, сравнить присущие им подходы с идеями, ценностями и методами, присущими «либеральной историографии» Западного края России.

Как уже отмечалось выше, для утверждения актуальности изучения истории названного региона есть и научные причины. За последние два десятилетия появилось немало работ российских и зарубежных историков, посвященных изучению истории Западного края России. Среди них следует назвать работа А. И. Миллера, М. Д. Долбилова, А. А. Комзоловой, Д. Бовуа и др. Таким образом, национальная и либеральная историография Западного края России стали формироваться практически одновременно. Идеологической основой большинства названных работ, за исключением научно результативной монографии А. А. Комзоловой, являются принципы идеологии либерализма².

Методология исторических исследований, применяемая в этих работах, способствует реализации этих принципов в принятом историческом нарративе. Либеральное мировоззрение авторов как российских, так и зарубежных, делает результаты их исследовательской работы вполне предсказуемыми. Либеральная историография Западного края России демонстрирует во многом такое же негативное, «европейское» отношение к Российскому государству, как и национальные историографии. При этом следует учесть специфическое понимание принципов либеральной идеологии о соотношении равенства и привилегий, которое присуще современным либеральным историкам.

Имеющиеся расхождения в методологических подходах к предмету исследования между национальными и либеральными историками не препятствуют преобладающему сходству в выводах и оценках. Для либеральных историков справедливы и достойны защиты только интересы меньшинств Западного края: польской шляхты и дворянства, еврейских общин, духовенства Римско-Католической церкви и зарождающегося украинского и литовского национализма. А вот интересы большинства — Православной церкви, белорусского и малороссийского крестьянства и уж тем паче интересы единства, целостности и безопасности Российского государства не относятся к категории справедливых, достойных уважения и требующих защиты. В связи с этим Российское государство и Русская Православная церковь, их чиновники, духовенство

и консервативное русское общество в силу своей ограниченности и реакционной сущности не заслуживают объективного к себе отношения.

В системе идейно-ценностных координат либеральной историографии Западного края установлены свои специфические мерилы хорошего и плохого. Классовый критерий в выборе объектов угнетения, характерный для советской историографии, подменен или дополнен критерием либеральным, «европейским». Например, принадлежать к православному большинству, быть русским патриотом, националистом, монархистом — это, безусловно, плохо. В то же время принадлежать к «угнетаемым» Россией религиозно-этническим меньшинствам, быть сепаратистом, оппозиционером или русофобским националистом — это, бесспорно, хорошо.

В качестве примера можно привести либерально-постмодернистскую интерпретацию политики Российского государства в Западном крае в период правления Александра II, представленную, как и должно, в весьма неприглядном виде. С этой целью осуществляется, в первую очередь, избирательный подход к архивным источникам. Например, сознательно игнорируются обширные архивные материалы следственных комиссий и военно-полевых судов, которые только и позволяют понять истинный масштаб и особенности участия римско-католического духовенства Западного края в польском мятеже 1863 г. Объективный анализ этих источников дает фактическое основание для вывода о «религиозной составляющей» мятежа, благодаря которой была расширена его социальная база среди крестьянства и шляхты, и который отличался особой жестокостью в отношении к верному России местному населению.

Во-вторых, умышленное игнорирование названных источников позволяет профанировать мотивацию действий администрации Северо-Западного края, направленных на устранение причин появления «религиозной составляющей» очередного польского мятежа. В результате произвольного разрыва причинно-следственных связей между событиями оказывается, что администрация края принимала свои решения исходя не из трезвой оценки конкретных фактов католического прозелитизма, польского ирредентизма и вооруженного сепаратизма 1863–1864 гг., а руководствуясь сугубо иррациональными мотивами — полонофобией и католикофобией.

Отсюда с неизбежностью следуют псевдонаучные выводы о том, что политические враги Российского государства — польские ксендзы и сепаратисты, осужденные за политические преступления и терроризм, являлись невинными жертвами фобий, которыми были обуреваемы чиновники-неврастеники из российской администрации Северо-Западного края. В данном случае методология исследования становится инструментом либеральной идеологии, которая, в силу специфических особенностей авторского восприятия, предусматривает нравственное и цивилизационное превосходство европейского привилегированного и одновременно угнетенного меньшинства — польского дворянства,

шляхты и ксендзов, над отсталым и реакционным российским чиновничеством и православным духовенством (М. Долбилов).

Собственный «антикоперниканский переворот», совершенный либеральной историографией, утвердил в центре своих ценностно-идеологических координат религиозно-этнические меньшинства и зарождающиеся национализмы, оценивая действия и интересы Российского государства и православного белорусского и малороссийского большинства с точки зрения интересов этих «угнетенных» меньшинств и национализмов. Теперь уже история Российского государства и православного западнорусского большинства стала вращаться вокруг истории нового центра — религиозно-этнических меньшинств и национализмов Западного края. В новой системе координат православному западнорусскому большинству, Русской церкви, правительству и администрации края отведена страдательная роль — быть объектами авторского сарказма, иронии и снисходительной критики.

В результате методологического переворота, произведенного в либеральной историографии, сочувствия и уважения заслуживают лишь угнетенные угнетатели. Например, неприкрытое сочувствие выказывается жертвам национально-религиозного «угнетения» со стороны «деспотической» России — польскому дворянству, шляхте и ксендзам Западного края. Стоит, правда, напомнить, что польские ксендзы, обладавшие привилегиями российского духовного сословия, использовали свою духовную власть для мобилизации своей паствы в антироссийский вооруженный мятеж 1863 г.

Те же помещики и шляхта, пользуясь дарованными им русским императором сословными привилегиями, являлись безжалостными угнетателями западнорусского крестьянства и основной социальной силой польских мятежей. Однако ни «религиозная составляющая» мятежа, ни его многочисленные русские жертвы, ни феномен колониальной эксплуатации православного крестьянского большинства иноэтничным и инославным дворянско-шляхетским меньшинством не вызывают у представителей либеральной историографии исследовательского интереса.

Жертвой правовой дискриминации, чиновничьего произвола и юдофобии представлено в либеральной историографии и экономически влиятельное еврейство Западного края. Но мы не узнаем от либеральных авторов о многочисленных жертвах хищнической эксплуатации, к которой прибегали еврей-предприниматели, экономически сотрудничая в этом деле с не менее алчными польскими помещиками.

Одним из средств такой эксплуатации была явная и тайная торговля алкогольными напитками, в результате которой западнорусские крестьяне спивались, попадали к евреям в долговую кабалу, а их хозяйства приходили в разорение, отчего, в свою очередь, росли недоимки и страдали интересы государства. Существовали и другие способы эксплуатации, вызывавшие резкое недовольство православного населения, проживавшего в сельской местности:

искусственное повышение цен на землю при сдаче ее крестьянам в аренду, ростовщичество и скупка урожая на корню, заключение договоров, заставляющих крестьян продавать зимой свой труд за бесценок на предстоящее лето и т. д.

В сложившейся ситуации «реакционное» правительство и администрация Западного края России в своих действиях по ограничению хищнической эксплуатации крестьян евреями-предпринимателями руководствовались отнюдь не мотивами юдофобии. В рыночных условиях пореформенного развития практической задачей органов государственной власти в Западном крае становилось «освобождение земледельческого сословия от гнета евреев» (Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 150. Д. 375. Л. 1–4). Следовательно, непредвзятый научный подход в исследовании положения евреев Западного края России требует учитывать также и факты хищнической эксплуатации крестьян, и социально-экономические, и нравственные последствия такой эксплуатации. Однако многочисленные факты страданий, деградации и разорения западнорусских православного крестьянства также не привлекают внимания либеральных историков.

Осуществляя сравнительный анализ двух историографий, как национальной, так и либеральной, нельзя не отметить их конкретное сходство в интерпретации исторической реальности. Выявленное сходство заключается, в первую очередь, в идеологичности обеих историографий и родственном характере идеологий, националистической и либеральной, которые определяют методологическую позицию исследователей. Общая идеологическая ангажированность названных историографий Западного края России обусловила произошедший «антикоперниканский переворот», установивший перевернутую иерархию угнетенных и угнетателей, меньшинств и большинства, субъекта и объектов исторического процесса.

Идеологическое родство историографий предопределило также и сходство в оценках изучаемых объектов, которые основываются на утверждении безусловной правоты «угнетенных» Россией «этносов», религиозно-этнических меньшинств и антирусских национализмов. Удел же Российской империи и Православной церкви — экзистенциальная неправота в отношениях с нерусскими и неправославными подданными Западного края.

Подтверждением этой фатальной неправоты империи, церкви и православного крестьянского большинства является либерально-националистическая демонстрация цивилизационного, европейского превосходства «угнетенных» «этносов» и меньшинств над своими культурно отсталыми и политически бездарными российскими «угнетателями».

Сходство как национальных, так и либеральной историографий Западного края России — в слегка закамуфлированной апологии интересов и ценностей центристских и разрушительных сил, которые правительство укрощало, и которые пыталось, с разной степенью эффективности, интегрировать в состав законопослушных и экономически полезных подданных империи.

Различия же между национальными и либеральной историографиями — лишь в выборе приоритетов среди объектов исследования, а также отчасти в методологических подходах и в большей или меньшей степени субъективности.

Следует подчеркнуть, что жесткий идеологический диктат как националистический, так и либеральный, определяющий заранее заданное отношение к Российскому государству и православию, заводит как национальные, так и либеральную историографию Западного края в общий исследовательский тупик. Столь неутешительное положение дел становится неизбежным при игнорировании или субъективной, предвзятой критике деятельности государственных институтов, Русской Православной церкви и социальных групп, представлявших силы центростремительные, интеграционные, укреплявшие Западный край в составе России.

Нельзя не отметить при этом, что идейный детерминизм, историческая политика правящих националистических режимов и грантовая политика западных фондов существенно ограничивают пространство академической свободы национальных и либеральной историографий Западного края России. Как итог — эвристический потенциал подобных исследований довольно скуден. Это — либо бесхитростная историческая иллюстрация тезисов доминирующей националистической идеологии, либо нарочитая наукообразность тривиальных, субъективно окрашенных выводов, щедро одобренных постмодернистской иронией.

Следует заметить, что научная актуальность изучения истории Западного края России вызвана не только необходимостью поиска эвристически продуктивных путей исследовательской работы, способных преодолеть исследовательские тупики, вызванные идеологической ангажированностью и стоящими за ней политическими и материальными интересами. Научную актуальность задает сам объект исследования, в котором, как в фокусе, отразился комплекс сложных проблем, которые испытывал имперский центр в управлении западными окраинами. Строительство империи, начатое Петром I, привело к включению в состав России новых многочисленных этнических групп и территорий на западе, на юге и на востоке, инкорпорация которых вызвала необходимость в организации централизованного и эффективного имперского управления.

С этой целью монархия, центральное правительство и Святейший синод Русской Православной церкви стали вводить практику сословной интеграции местных элит в состав российского дворянства и применять принципы и нормы веротерпимости в отношении к неправославным религиозным конфессиям и общинам. В результате в течение XVIII–XIX вв. сложилась устойчивая и стабильная система управления, которая позволяла с разной степенью эффективности осуществлять политику имперского центра по инкорпорации и интеграции национальных окраин в единое политическое пространство.

Следует отметить, что разнообразные этнические группы, включенные в состав населения империи, находились на разных уровнях экономического,

социального и культурного развития. Данное обстоятельство, вызванное необычайным этно-религиозным и социокультурным разнообразием подданных обширной евразийской империи, обусловило сложности, которые испытывал центр в управлении окраинами.

В гетерогенном политическом пространстве, установленном властью абсолютного монарха, господство над разнородным российским обществом основывалось на универсальном принципе «подданства». В этих условиях самодержавная власть, опираясь на администрацию и законодательство, осуществляла унификацию социальных и экономических отношений с целью обеспечения стабильности общественной жизни и предотвращения внутренних угроз безопасности Российского государства.

Установление в России абсолютной монархии предопределило ее ведущую роль в модернизации общественных отношений, о чем наглядно свидетельствовали результаты правления Петра I, Екатерины II и опыт Великих реформ императора Александра II. Экономический, социальный и культурный прогресс в Российской империи во многом обеспечивался усилиями самодержавия и его центрального правительства. Столь же решающим было участие самодержавия и в модернизации окраин, которое привело к эволюционным изменениям в социокультурной и экономической жизни проживавшего там населения.

Опыт Российской империи свидетельствует о том, что самодержавная власть, управляя разнородными окраинами, сформировало такой механизм управления, который не только сохранял религиозно-этническую самобытность населявших окраины групп, но и обеспечивал их социально-экономическое и культурное развитие в рамках единого политического пространства. В связи с этим изучение имперской политики управления окраинами России в качестве объекта исследовательского интереса историков имеет непреходящую научную актуальность, позволяя заполнить пробелы в знании об имперском опыте решения проблем интеграции внутригосударственных регионов в состав сложного полиэтнического государства.

Проблемной территорией для Российского государства стал Западный край, присоединенный в результате разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. В результате этих разделов, совершенных совместно с Австрией и Пруссией, к России отошли территории, входившие ранее в состав Древнерусского государства, а затем и Великого княжества Литовского. Территория Западного края России стала местом цивилизационного разлома между православным Востоком и католическим Западом. Силы католического Запада были представлены Римско-Католической церковью латинского и греческого обряда. К латинскому обряду принадлежала социальная и культурная элита края — польские магнаты, шляхта и католический клир, к греческому — многочисленное западнорусское крепостное крестьянство.

Православный Восток был представлен немногочисленной Православной церковью с ее духовенством, крепостной западнорусской крестьянской паствой

и высшим российским чиновничеством. Неблагоприятное для православного Востока соотношение социальных и религиозных сил был вызвано длительной польско-католической экспансией, которая привела к кардинальному сокращению числа православных в Речи Посполитой. Подданными России стало также многочисленное и экономически влиятельное еврейство, проживавшее в городах и местечках края.

На присоединенных территориях возникла постоянная внутренняя угроза безопасности Российского государства, исходившая от экономически и социокультурно доминирующего польско-католического меньшинства — сторонников восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Потенциальную политическую угрозу для безопасности западных границ России представляло собой западно-русское греко-католическое духовенство и его крестьянская паства, подчиненные Риму и составлявшие большинство населения губерний, «от Польши возвращенных».

В целом же в достижении долгосрочной стратегической цели — обеспечения безопасности своих западных рубежей, Россия добилась бесспорного успеха. Отодвинув границы далеко на запад и укрепив на новых территориях свое военное присутствие и традиционное православие, Россия использовала приобретенные территориальные и религиозно-политические преимущества для отражения нашествия Наполеона в 1812 г., в котором принимали участие и польские войска, сформированные в Великом герцогстве Варшавском и в западных губерниях России.

Однако после победы в Отечественной войне 1812 г. и европейского похода русской армии 1813–1814 гг. внутренняя угроза безопасности, исходящая от польской шляхты и католического духовенства западных губерний России, не только не исчезла, но, напротив, усилилась. Причиной тому стало создание Царства Польского, включенного, согласно решению Венского конгресса 1815 г., в состав Российской империи на правах личной унии императора. Свидетельством усилившейся внутренней угрозы, исходящей с территории Западного края России, стала поддержка польскими магнатами, шляхтой и католическим духовенством мятежа, который вспыхнул в Царстве Польском в 1830–1831 гг.

В связи с этим правительству императора Николая I, помимо военного подавления мятежа в западных губерниях, пришлось заняться сложной работой по исправлению ошибок предыдущей политики управления краем и выработке политической линии, способной придать процессам интеграции края в состав России новое качественное измерение. Для проведения нового политического курса в регионе был создан Комитет Западных губерний (далее — КЗГ), а его деятельность стала фиксироваться в журналах, ставших важным источником для изучения истории Западного края России. Изучение этого массива источников имеет свою историю, и вышедшие в свет 1-й и 2-й тома «Журналов Комитета Западных губерний» стали успешным продолжением лучших традиций

советской историографии и, в частности, работы Т. Г. Архиповой³. Вместе с тем издание журналов КЗГ направлено на преодоление разрыва с традициями публикации документов государственных учреждений Российской империи, которые существовали до 1917 г.

Впервые такой важный источник, как журналы Комитета Западных губерний, издается с научно выверенными, подробными и точными исследовательскими комментариями, в которых отражены все содержащиеся в журналах документы, двумя приложениями, включившими перечень всех законодательных актов, упоминаемых в журналах, словарем терминов из области польско-литовского права, а также указателями имен и географических названий. Созданный обширный научно-справочный аппарат является результатом кропотливого и высокопрофессионального труда группы исследователей. Сведения, которые содержит названный аппарат, являются ценным источником знаний для многих поколений будущих исследователей истории Западной России.

Во введении к 1-му тому журналов КЗГ, вышедшему в 2017 г., дан обстоятельный анализ причин учреждения Комитета Западных губерний, отмечена взаимосвязь деятельности КЗГ с другими государственными учреждениями империи, указаны его основные функции и определен круг вопросов по инкорпорации Западного края в состав России, решаемый Комитетом в 1831–1835 гг. Рассмотрены вопросы реализации Западным комитетом предложений гродненского губернатора М. Н. Муравьева по унификации управления губерниями «от Польши возвращенными». Введение содержит также анализ советской и современной, в основном либеральной историографии Западного края России, лишенный, на наш взгляд, должного критического подхода.

Публикация 2-го тома журналов Комитета Западных губерний позволяет рассмотреть различные аспекты имперской политики в период, когда непосредственные задачи, связанные с подавлением польского мятежа 1830–1831 гг., были в основном решены. В 1836–1840 гг. Комитет решал вопросы, связанные с управлением Западным краем на долгосрочной политической и правовой основе. Особый интерес представляет интеграционный вектор этой политики. Следует отметить, что Комитет довольно объективно оценивал степень политической враждебности к России таких ведущих социальных групп, как польское дворянство, шляхта и римско-католическое духовенство.

Интегрировать названные сословия в состав законопослушного российского дворянства и веротерпимого «иностранного» духовенства было чрезвычайно сложно. Не менее сложной являлась задача окончательного упразднения все еще действовавших в Западном крае институтов бывшего Польского государства. Комитету пришлось решать вопросы интеграции края в состав России путем унификации местного права (Литовский статут) с российским, формирования аппарата судей из русских чиновников и т. д.

Таким образом, главными направлениями деятельности Комитета стали ликвидация последствий мятежа, меры по унификации институтов управления

Западными губерниями России, вопросы русского образования и дальнейшей интеграции польских дворянства, шляхты и духовенства в состав верноподданных российской монархии. Политика Комитета, на наш взгляд, преследовала цель заключения нового компромисса с польской дворянско-шляхетской элитой Западного края с целью устранения условий для возникновения нового мятежа. Возникает вопрос, насколько успешна была эта политика.

Польский мятеж 1863–1864 гг. стал своеобразным экзаменом для результативности тех мер, которые были предприняты КЗГ по интеграции Западного края в состав России в 1831–1848 гг. Предотвратить новый мятеж в крае не удалось. В связи с этим многочисленные решения Комитета можно назвать важными и, одновременно, паллиативными, которые, в силу действующих объективных обстоятельств, не могли кардинально устранить правовые и социально-экономические причины нового польского мятежа.

Как показал мятеж 1830–1831 гг., главной социально-политической и религиозной опорой польского ирредентизма и вооруженного сепаратизма были дворянство, шляхта и римско-католическое духовенство. Экономической базой мятежа было дворянско-шляхетское землевладение и крепостное владение многочисленным западнорусским крестьянством. Комитет не имел полномочий для решения базовых вопросов, требовавших общегосударственных решений, — упразднения крепостного права, а также привилегий польского дворянства и римско-католического духовенства. Без упразднения этих базовых опор ирредентизма и сепаратизма парализовать антироссийскую деятельность привилегированных сословий Западного края было практически невозможно.

Мерами, которые в действительности укрепили политическую и религиозную безопасность Российского государства, стали решения правительства и православной иерархии по расширению социальной базы российской монархии среди низших сословий Западного края. В 1839 г. по инициативе императора Николая I и униатского епископа Иосифа Семашко на Полоцком соборе состоялось воссоединение западнорусских униатов с Русской Православной церковью. С этого времени подавляющее большинство крестьянского населения Западного края России стали составлять православные, верные русскому царю. Социальная база мятежа, контролируемая польским католичеством Западного края, была кардинальным образом ослаблена.

Произошедшее в 1861 г. освобождение православных крепостных крестьян от власти польских помещиков окончательно лишило мятежников каких-либо шансов на массовую поддержку низших сословий. Вспыхнувший в 1863 г. сословный шляхетско-ксендзовский мятеж был обречен. Православное и частью католическое крестьянство не только не поддержало мятеж, но и выступило против своих традиционных угнетателей, рядившихся в одежды самозванных «освободителей».

В этой связи представляется целесообразным подготовка к изданию журналов Западного комитета 1862–1864 гг., которые, в совокупности с журналами

КЗГ 1831–1848 гг., составили бы репрезентативный массив источников для изучения правительственной политики, направленной на сохранение безопасности и территориальной целостности Российского государства. Выход в свет двух томов журналов КЗГ и наметившаяся перспектива подготовки и издания завершающего третьего тома позволят создать необходимую источниковую базу для сравнительного анализа политики инкорпорации края в состав России в 1831–1848 гг. и политики интеграции края в период деятельности Западного комитета 1862–1864 гг.

Следует отметить, что издание 1-го и 2-го томов журналов КЗГ приобретает особую актуальность не только для Российской Федерации, но и для историков и заинтересованных читателей Белоруссии и Украины. Обширные сведения, которые содержатся в журналах, а также методологические подходы, используемые во вступительной статье и научных комментариях, представляют собой важнейшую фактологическую основу, необходимую для верификации созданных в различное время исторических концепций имперской политики в Западном крае России. Столь же востребованными являются издания журналов КЗГ и для научной критики положений и выводов современных национальных и либеральной историографий. Актуальность этой критики обусловлена необходимостью творческого развития историографических традиций западнорусской и южнорусской научных школ, созданных в дореволюционной России.

Можно с уверенностью сказать, что издание 1-го и 2-го томов Журналов Комитета Западных губерний, подготовленное коллективом авторов — Т. В. Андреевой, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидовым, Д. Н. Шиловым, стало продолжением научно-исследовательской работы в области восстановления «коперниканской» системы историографических субъектно-объектных координат в области изучения истории Западного края России. В более широком идейно-ценностном смысле речь идет о начале давно назревшей масштабной научно-исследовательской работы по восстановлению исторического достоинства Российской империи.

¹ Одним из исключений этого практически всеобщего правила является не лишняя известность недостатков работа: *Ленеш О. В.* Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831–1848 гг.). Минск: РИВШ, 2010.

² *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.: Алтейя, 2000; *Западные окраины Российской империи: Монография / Л. А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер.* М.: НЛЮ, 2006; *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛЮ, 2010; *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

- ³ Архипова Т. Г. Комитет Западных губерний 1831–1848 годы. (К истории политики царизма в отношении национальных окраин) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 512–528.

REFERECES

АРХИПОВА Т. Г. *Комитет Западных губерний 1831–1848 годы*. (К истории политики царизма в отношении национальных окраин) [Committee of the Western Provinces 1831–1848. (Towards a history of Tsarist policy towards the national outskirts). In Russ.] // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 512–528.

BOVUA D. *Gordiev uzel Rossijskoj imperii: vlast', shlyaxta i narod na pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914)* [The Gordian Knot of the Russian Empire: Power, nobility and people in right-bank Ukraine (1793–1914). In Russ.]. Moscow, 2011.

DOLBILOV M. D. *Russkij kraj, chuzhaya vera. E'tnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. [The Russian Land, Alien Faith. Ethno-confessional Politics of the Empire in Lithuania and Belorussia under Alexander II. In Russ.]. Moscow: NLO, 2010

KOMZOLOVA A. A. *Politika samoderzhaviya v Severo-Zapadnom krae v e'poxu Velikix reform* [The policy of the autocracy in the North West during the era of the Great Reforms. In Russ.]. Moscow: Nauka, 2005.

LEPESH O. V. *Комитет западных губерний: организација и дејател'ност' (1831–1848 гг.)*. [Committee of Western provinces: organization and activity (1831–1848). Minsk. In Russ.]. Minsk: RIVSh, 2010.

MILLER A. I. «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka) [The “Ukrainian question” in the policy of the authorities and Russian public opinion (second half of the 19th century. In Russ.]. St Petersburg: Aletheia, 2000.

Zapadnye okrainy` Rossijskoj imperii: Monografiya [The Western Margins of the Russian Empire: A Monograph. In Russ.] / L. A. Berezhnaya i dr.; nauch. red. M. Dolbilov, A. Miller. Moscow: NLO, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Ю. Бендин. Рецензия на: Журналы Комитета Западных губерний» / Изд. подг. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. Т. 1: 1835–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 848 с.: ил.; Т. 2: 1836–1840 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021 // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 266–281

FOR CITATION

A. Yu. Bendin. Reviewed in: *Journals of the Committee of Western Provinces* / Ed. by T. V. Andreeva, I. N. Wibe, B. P. Milovidov, D. N. Shilov. Vol. 1: 1835–1835. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. 848 p.; ill.; Vol. 2: 1836–1840. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2021 // *Petersburg historical journal*, no. 3, 2022, pp. 266–281

Автор: А. Ю. Бендин — д. и. н., профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Author: A. Yu. Bendin — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Theology of the Institute of Theology of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

E-mail: abendin@yandex.ru